

Мацей Червиньски

Европейский миф в хорватском общественном пространстве

Культурные и политические размышления

Историческое расширение Европейского Союза за счет стран бывшего советского блока стало уже фактом. Для всех этих культур, да и для большинства доминирующих в них элит, «объединение» Старого Света было свершением их грез о цивилизационной принадлежности к Европе, ее ценностям и традициям. Вне Евросоюза оказались, однако, страны (культуры), в которых европейский этос является неотъемлемым элементом фундамента коллективной идентичности. В данном тексте я попытаюсь показать в плане проблемы европейские устремления Хорватии – страны, культура которой, дифференцированная и гетерогенная, имеет свои корни в традиции латинского (в первую очередь католического) Запада. Тем самым я попытаюсь набросать некоторые фрагменты конструкции национального хорватского идентитета и использования его в политических дискуссиях. Конечно, это будет неполная картина, лишь сообщающая о некоторых тенденциях и изменениях в процессе самопостижения.

За последнее десятилетие в славянских странах посткоммунистической Европы (в случае бывшей Югославии предельной точкой является 1991 г. – год распада этого государства) произошли конкретные изменения в понимании собственной традиции. Пришедшие тогда к власти элиты высказались за

тесное сотрудничество их стран с государствами Западной Европы. Такое изменение нуждалось в возрождении и пропаганде новой/старой идеологии, которая обосновывала бы необходимость этого процесса. Были обнаружены известные и хорошо укоренившиеся национальные мифы, которые очень бережно культивировались оппозиционными кругами. Вместе с эмансипацией такой идеологии начался процесс иной (или откорректированной) оценки некоторых исторических фактов, которые должны были склонить общество к пропагандируемым этими идеологиями убеждениям. Таким образом было создано убеждение о европейском идентитете и процессы политической интеграции были одобрены. Результатом этих действий стал факт, что эти страны встали перед возможным участием в интеграционных процессах Западной Европы. Роль статиста, глядевшего из перспективы европейской периферии, могла смениться ролью субъекта (активного участника в судьбах Старого Света). Эта политически текущая цель (присоединение в ЕС) появляется, однако, в качестве *imaginarium* – прагматической надстройки и одновременно реализации существующего и уже стабильно присутствующего в общественном дискурсе и групповом идентитете – воображенного пространства, которое функционирует в культурах (а значит, в доминирующих дискурсах) большинства посткоммунистических стран. Принадлежность к мифической Европе является результатом фактического пребывания этих культур в пределах западной (латинской)¹ цивилизации, а также ощущения обиды, отчуждения и более низкой ценности по сравнению с принимаемыми с Запада течениями мысли. Категория (а значит, и топос, миф) «возвращения в Европу» является поэтому важным элементом дискурсов в рассматриваемых культурах. Это средство против комплекса неполноценности, а Польша (равно как и другие страны т. н. «посткоммунистического Запада», в том числе и Хорватия) – это точно как в «Завещании» Гомбровича – «страна между Востоком и Западом, где Европа

---

¹ Здесь имеются в виду прежде всего система ценностей (доминирующие идеологические течения) и эстетика в литературе и искусстве.

уже заканчивается, страна переходная, где Восток и Запад друг друга ослабляют. Следовательно, страна с ослабленной формой... Ни один из великих процессов европейской культуры не вспахал по сути дела Польшу: ни ренессанс, ни религиозные войны, ни французская революция, ни революция промышленная; сюда доходили лишь приглушенные отзвуки...». Если мысль польского писателя признать определением пространства, именуемого центральноевропейским (а мне это представляется справедливым), то Хорватия – страна, которой посвящен настоящий текст, в некотором смысле и с небольшими оговорками тоже соответствует этой модели. Нужно, однако, помнить, что хорватская культура – это сплав трех больших культур: средиземноморской (Далмация), центральноевропейской (северная Хорватия) и, несколько упрощая, балканской (прежде всего Славония и другие территории бывшей Военной границы). Ключевую роль в национальном возрождении XIX в. разделенных тогда «хорватов» и «хорватских земель» сыграл Загреб, хотя, как справедливо отмечает Мария Бобровница, здесь и «разминулись культурная традиция (Далмация) с государственной (Загреб)...»². Всё же субстрат этого возрожденческого «примирения» остался по всем признакам европейским и отсюда исходит отмеченное выше убеждение элит в европейскости хорватской культуры³.

В случае Хорватии, равно как и на всей центральноевропейской территории, «возвращение в Европу» является одновременно, а может главным образом, бегством от чего-то, от якобы чужого пространства, угрожающего аутентичности этих, конечно, аутентичных культур. В культурах Центральной Европы (например, Польши, Чехии и Венгрии) этот побег касается широко понимаемого Востока, достаточно часто

---

² M. Bobrownicka, *Narkotyki mitu*, Kraków 1995, s. 60.

³ В дальнейшем отметим глубокий раздел среди элит, из которых одна группа (связанная с, условно говоря, либерально-левой идеологией) склоняется к тому, чтобы одобрить факт, что эта европейскость обогащена балканской культурой (восточной); вторая же отбрасывает этот факт и стремится к очищению культуры (собственной, добавим, культуры) от нежелательных балканских (восточных) элементов.

отождествляемого с советским влиянием, хотя, как известно, оно имеет гораздо более глубокие и древние корни⁴. Оба побега – это погоня за «совершенным», «лучшим», «более настоящим», а также бегство от отсталости, бедности, инакости. Ибо так воспринимается и петрифицируется Восток, хотя необходимо признать, что всё более заметные результаты политической корректности привели к большей «благосклонности» дискурсов, преобладающих в отношении Востока.

Этот многоаспектный процесс формирования фрагментов национальных идеологий поставил исследователей, занимающихся Южной Европой и Балканами, в очень сложное положение, когда необходимо выразить свою позицию в отношении все более бурных дискуссий на тему принадлежности отдельных народов бывшей Югославии к «культурным кругам». Это привело к крайней политизации и идеологизации научных дискуссий на эту тему. Отдельные «цивилизационные» категории (разные версии Европы, Балканы, Средиземноморье) подверглись переоценке. Современные постмодернистские гуманитарные науки – отбрасывая арбитражные границы *a priori* – не отвечают на вопросы: кто находится в Европе, а кто нет; что значит быть европейской страной; когда европейскость доминирует в нравственном укладе над влиянием других культур. Несмотря на это, а быть может, скорее поэтому, цивилизационное пространство, или скорее борьба за него, стало ареной споров среди интеллектуальных элит и было перенесено в плоскость грубой политической полемики. Они тем более легко подвержены теперь всякого рода манипуля-

---

⁴ К примеру, часть элит пропагандирует, однако, теорию о том, что якобы только коммунизм и советизация (а раньше «разделы») втянули Польшу в русло восточной культуры и тем самым лишили ее «естественных» корней. Между тем вполне очевидно, что пребывание на периферии Европы сделало, во-первых, невозможным формирование «чистого» западного образца и, во-вторых, в западных культурах родило убеждение в инакости восточных соседей. Этот процесс, процесс открытия Восточной Европы, т. е. ее де-факто создания, начался уже в XVII в. Ср. L. Wolff, *Inventing Eastern Europe: the map of civilization on the mind of the enlightenment*, Stanford 1994.

циям и идеологическим извращениям. В хорватском пространстве наиболее ярким выражением этого является манипулирование словом «Балканы» и разными его производными. В большинстве случаев оно употребляется в негативном значении, каждый же контекст, в котором оно появляется, окрашен негативно. Так, например, употребление слова «балканец» (хорв. *Balkanac*) в словарном значении определяет человека, живущего на Балканах. Однако негативная переоценка Балкан привела к ограниченному его употреблению исключительно по отношению к человеку, которого хочется очернить, доказать его примитивизм. Все стороны спора используют его для определения политических врагов.

Анализ политических дискуссий убеждает наблюдателя, что европейскость Хорватии является хорошо культивированным мифом, общим местом (лат. *loci communes*) в этой культуре. Европейскость чаще всего понимается как духовная принадлежность к западному культурному универсуму, латинскому цивилизационному кругу, ассоциирующемуся с античной (шире – средиземноморской) традицией, гуманизмом ренессанса, городской культурой и интеллектуально-рациональной и объективной моделью познания. Эту модель культуры часто противопоставляют широко понимаемому Востоку – византийской культуре (зачастую исламу), народной, неэмпирической, т. е. балканской. Следовательно, балканскость является антонимом европейскости, олицетворением отсталости, замедления цивилизационных процессов либо полного их отсутствия, средоточием первичных форм национального идентитета, этнических гонений и агрессии. Элиты, управляющие процессом европеизации Хорватии, стремились в начальной фазе к очищению хорватской культуры от всего чужого – балканского, сербского, югославского, ориентального. От всего, что могло бы ставить под сомнение чистоту культуры этой какникак европейской страны. Рассматриваемая здесь общественно-политическая сфера была лишь частью более масштабного проекта.

Очищались от всего нежелательного учебники истории, истории литературы, были попытки изменять язык. Проблема языковых изменений достаточно хорошо известна, хотя многие критические замечания на тему функционирования языкового национализма (т. е. и пуризма) смешивались с действительными изменениями в языке. Однако одним из аргументов в пользу якобы отдельности хорватского языка была его западноевропейская традиция. В язык, таким образом, возвращается европейский миф, в котором – по мнению большинства элит – отражается культурное и цивилизационное отличие от сербов, а языковые различия – это лишь производные более глубоких различий. Такой миф очень часто возникает в лженаучной литературе, касающейся языка.

Такое понимание привело к попытке отбрасывания части своей традиции, своего идентитета ради идентитета нового, чистого, проверенного и единственно верного. Такой процесс не мог закончиться успехом. Да, бесспорно, он культивировал и стабилизировал нежелание и неприязнь по отношению ко всему восточному (читай – неевропейскому), но разумеется, что от многовековой традиции невозможно так просто отказаться. Хорватская культура осталась гетерогенной, так как, во-первых, националистам не удалось долго удержаться у власти и закрепить идеологию (следовательно, языковые и дискурсивные стратегии тоже), которую они насаждали. Во-вторых, в хорватском общественном пространстве параллельно существовал дискурс, отбрасывающий такую модель формирования европейской идентичности. Бесспорно, европейскость была для этой части элит императивом, но не исключала поликультурности, которая для одних являлась реальной ценностью, а для других – во имя политической корректности – лишь циничной необходимостью.

Европейский миф появляется во всех современных типах дискурса – начиная с художественного (псевдохудожественного) и заканчивая научным. Присмотримся немного к пропаганде хорватской культуры в переведенной недавно на польский язык «Истории Хорватии» Драгутина Павличевича.

Автор, описывая образ правления бана, позднее хорватского короля Звонимира, констатирует: «Это и есть доказательство того, что Хорватия в те времена не только была близка к Европе, но была ее полноправной частью. Свидетельствуют об этом археологические открытия: монеты, главным образом золотые, а также раскопки на землях, которые были собственностью монастырей и церквей»⁵.

Любой читатель, живущий в той части Центральной Европы, которая страдает комплексом неполноценности, подобные языковые стратегии узнает по своему опыту, поэтому они не нуждаются в комментариях. Внимания заслуживает формулировка «Это свидетельствует (...), что Хорватия была ее полноправной частью». Эта распространенная во всех центрально-европейских культурах языковая стратегия свидетельствует об оборонной позиции автора. Коль скоро мы хотим что-то доказать (и ищем доказательства), значит, хотим кого-то убедить в чем-то, ибо он может в это не верить или, возможно, не сознавать. Цель идеологии одна – просветить неверующего. «Отсутствие знания» порой толкуется в таких ситуациях как отсутствие интереса, инерция, дилетантизм. А значит, не должен вызывать удивления факт, что после падения коммунизма аппарат власти в руках проевропейских элит стал средством убеждения. Все политические манифесты и правительственные документы кишели изречениями, предвещающими возвращение в Европу. Они были адресованы как внешнему миру (элитам западных государств), так и внутреннему (собственным, неверующим, элитам). Благодаря столь успешному процессу натурализации идеологических постулатов в большинстве посткоммунистических стран произошла трансформация коммунистических партий, а рабоче-пролетарские тона были заменены золотыми звездами на синем фоне (за исключением, пожалуй, Чехии).

В независимой Хорватии, как и в других странах, образовавшихся после падения югославского «братства и единства»,

---

⁵ D. Pavličević, *Historia Chorwacji*, Poznań 2004, s. 58-59.

ситуация выглядела несколько иначе. Оппозиционная элита под влиянием нарастающих этнических конфликтов быстро радикализировалась. Гуру хорватского национализма стал вождь партии независимости ХДС (Хорватского демократического содружества), бывший генерал маршала Тито, а затем президент Хорватии Франьо Туджман. Он был одержим видением Хорватии как исключительно европейской страны и противопоставлял ее своим балканским (т. е. менее цивилизованным) соседям. При дружном поддакивании похоже думающих (здесь необходимо напомнить, что в начале 90-х гг., в момент военной мобилизации, совсем немногие отважились бы выступить с другой программой) политическую дискуссию на эту тему он довел до абсурда. Отчасти свидетельствует об этом эйфорическое высказывание президента от 3 августа 1996 г., экспонируемое на передовицах всех режимных газет (здесь цитируется государственный *Vjesnik*): «Мы получили сильную поддержку от Соединенных Штатов, которая подтверждает, что Хорватия принадлежит к Центральной Европе, а не к Балканам».

Как видно, становлению национальной программы сопутствовал и комизм. Слово «поддержка», употребленное в этом высказывании, не уживается с интуитивно ощущаемой, контекстной и прагматической его дистрибуцией. Ибо поддерживать можно кого-то в его стремлении что-то совершить, чего-то добиваться, а не просто в бытии чем-то или в местонахождении где-то. Таким образом, «поддержка» имеет стратегическое значение, так как имплицитно отрицает кого-то, кто может это отрицать. Данная стратегия символизирует упомянутую выше борьбу между союзниками Хорватии, которые поощряют ее центральноевропейские устремления, и врагами, которые не понимают (настоящей) европейскости. Этот сюжет является вне всякого сомнения намеком в адрес стран Западной Европы. Следует помнить, что в это время (1996) Европа (государства Западной Европы) стали всё заметнее маргинализировать и изолировать Туджмана за его политику (экстремальная национализация общественного простран-

ства, открытая дискриминация сербского меньшинства, причинение ущерба хрупкому перемирию в Боснии и Герцеговине, которое президент сам подписал в Дейтоне в 1995 г.). Часть европейских стран не могла, однако, забыть прежде всего операцию «Буря» в 1995 г., в итоге которой значительная часть сербского населения покинула Хорватию⁶. Лишь спустя годы было обнаружено, что в этой операции активное участие принимало ЦРУ (обеспечивая значительную логистическую помощь)⁷. При таком порядке вещей Соединенные Штаты стали волей-неволей гарантом европейской принадлежности Хорватии. Позже такие манифесты будут появляться очень часто и, по сути дела, образуют крепкий столп хорватского национализма⁸. Этот национализм, во имя идеологического единства всего хорватского народа, стремился к ассимиляции (также политической) хорватского населения Боснии и Герцеговины. Между тем нельзя забывать, что культура католических жителей Боснии (а значит, и боснийских хорватов) отличается от культуры хорватов, проживающих в собственно Хорватии. Их менталитет является более восточным, т. е. более балканским (а по мнению националис-

---

⁶ Сегодня в Хорватии, в силу нелегкой необходимости сотрудничества с Международным трибуналом в Гааге, ведутся дискуссии на тему военной акции. Обвинительный приговор против одного из генералов – Анте Готовина – содержит, как полагает часть общественного мнения и национальных кругов, слишком далеко идущие обвинения по отношению к руководящим акцией в том, что она была вполне намеренными этническими гонениями. Это возбуждает большую полемику, так как акция «Буря», освободившая значительную часть хорватской территории от сербской солдатни, занимает в национальном хорватском этосе особое место, являясь одним из идеологических фундаментов нового государства. Поэтому обвинения в этнических гонениях делегитимизируют ее и придают ей криминальный характер.

⁷ Ср. М. Czerwiński, *W obronie godności*, // „Tygodnik Powszechny”, nr 43, 29.X.2001, s. 6.

⁸ В отличие от того, как это происходило в Польше, проамериканская политика разделит в начале XXI в. хорватскую политическую сцену на правых (главным образом посттуджмановские группировки), с одной стороны, и левых, а также центр, с другой. Американские сантименты последователей Туджмана связаны с американской логистической помощью во время военного кризиса, а также с крайне националистической хорватской диаспорой в Соединенных Штатах.

тов – нехорватским). Некоторые современные боснийские интеллектуалы, например, Иван Ловренович, утверждают даже, что по менталитету боснийские хорваты ближе к боснийским сербам или боснийцам (мусульманам), чем к хорватам. Идея об их ассимиляции противоречила по сути дела туджмановской картине народа и стала, кажется, наиболее спорным пунктом хорватской национальной программы.

В рассматриваемое время заголовки в режимной печати без сомнения твердили одно – Хорватию превозносят и представляют как извечную часть Европы: «Мир и Европа с восторгом смотрят на хорватский экономический успех» или «Хорватия возвращается в Европу», а также «Запад признает европейскость Хорватии», «Дипломатия Дубровницкой Республики является подтверждением того, что уже тогда мы были частью Европы» и т. п.

Более пристальный взгляд на появлявшиеся тогда тексты обнаруживает заметный и упоминаемый уже антисербизм. Любопытно присмотреться к одной цитате. Вот что пишет публицист газеты *Vjesnik* Т. Подруг: «Панславизм, который в XIX в., а возможно и раньше развивается среди славянских народов и по всей Европе, а также югославизм (*jugoslavenstvo*) на наших хорватских землях являют собой движения романтические, которые были задавлены в XX в., став жертвами грубой, преступной и экспансионистской византийско-православной великорусской и великосербской политики. Великорусы своих соседей-славян (поляков, чехов, украинцев), на «югославских» же территориях великосербов хорватов, словенцев, македонцев, мусульман и черногорцев своей политикой так уничтожали, грабили, контролировали и убивали, что идеи панславизма превратились в свою противоположность»⁹.

В этом фрагменте налицо та негативная оценка, которую автор формулирует в адрес не только сербов, но и русских. Примененный здесь языковой прием является вполне характерным для этого типа идеологического высказывания.

---

⁹ Т. Podrug, „Vjesnik“, 14.03.1995, s. 14.

Яркое противопоставление мы – они усиливается сравнением. И другие, дескать, находятся в том же положении, значит, есть общие враги. Немаловажное значение, как представляется, имеет и очередность называемых здесь потерпевших народов – ведь чехи, поляки, хорваты и словенцы принадлежат к нашей, западной, цивилизации. После 1999 г., когда к власти приходят либерально-левые группировки, над значительной частью общественного пространства господствует идеология, пропагандирующая, правда, европейскость Хорватии, но одновременно отбрасывающая декларативный национализм и прежде всего антисербизм¹⁰. Дискурс становится заметно более терпим, а шовинизм, характерный для предыдущего периода, не столь ярок. Для нужд этой статьи проанализирую в общих чертах лишь два фрагмента, которые подтверждают выдвинутую гипотезу.

После падения режимного правительства Франьо Туджмана, благодаря политическому прагматизму либерально-левого курса, Хорватия начала свое реальное «возвращение в Европу». Все европейские институты признали, что были начаты изменения, которые дают возможность ходатайствовать о членстве в ЕС¹¹. Центральноевропейское соглашение о свободной торговле (ЦЕАСТ) стала важным звеном в европеизации Хорватии. Кроме очевидных привилегий в торговле, участие в этой организации давало ощущение признания центральноевропейской страной, а значит, небалканской (тем более, что ни одна из постюгославских стран, за исключением богатой Словении, к этой организации не принадлежала). Цент-

---

¹⁰ Это изменение было также результатом всё более продвинутого (значит – плюралистического) печатного рынка, на котором всё больше места стали уделять альтернативным точкам зрения и где официально поддерживались антиправительственные оппозиционные партии (например, *Globus, Nacional*). 1999 г. следует считать ключевым, ибо именно тогда изменился способ ведения политики. Шовинистический идеализм сменился прагматизмом. Крайне негативное отношение к восточным культурам сохранилось у радикальных элит до настоящего времени, но в значительно ослабленной форме. Больше на эту тему см. в статье *Chorowacja między Europą i Bałkanami. Analiza dyskursu prasowego*.

¹¹ В случае самой важной цели, т. е. присоединения к ЕС, Хорватия должна была еще подождать, о чем пойдет речь ниже.

ральноевропейское пространство пропагандировалось (особенно в СМИ) как символ успешной системной трансформации. Согласно господствующей в западных СМИ схеме, наиболее успешные процессы трансформации от коммунизма к либеральной демократии произошли в Польше, Чехии и Венгрии¹².

А вот фрагмент, который появился в правительственной газете *Vjesnik*: «И для ЦЕАСТ, и для ЕС Хорватия является страной, потенциал которой должен предохранить от балканской нестабильности и хаоса, увеличенных режимом Туджмана. Она может стать „открытыми дверями“ в Балканы. К тому же, опираясь на ЦЕФТА, сотрудничество с Италией, Словенией, Венгрией и Австрией, а также сильные контакты с Центральной Европой, мы можем избежать плачевной балканизации»¹³.

В этом фрагменте, несмотря на то, что автор демонстративно избегает риторических фигур, которые могли бы свидетельствовать о его неприязни к другим, мы находим языковые элементы, посредством которых всё же такая неприязнь пропагандируется, укрепляя в сознании читателя негативную коннотацию Балкан и живущих там людей. Неприязнь к восточному пространству («неуверенность, хаос») прикрыта сознательно экспонируемым режимом Туджмана, благодаря чему автор цитируемого текста может поставить себя в оппозицию к взглядам бывшего президента. Между тем он сам не скрывает негативного отношения к Востоку:

«Конечно, Хорватия должна противодействовать созданию таможенного союза на балканской территории, а в особенности выступить против идеи создания единого рынка рабочей силы, так как это было бы первым шагом к неконтролируемой миграции, а также к опущению шенгенского занавеса перед границами Хорватии»¹⁴.

---

¹² Словакию сравнивали с Хорватией как пример замедления реформ, вызванного авторитарным управлением Владимиром Мечиара (которого сравнивали с Туджманом).

¹³ D. Gjenero, „Vjesnik“, 24.11.2000.

¹⁴ *Op.cit.*

Информация, которую декодирует читатель, дополнительно снабжена другим содержанием. «Неконтролируемая миграция» (здесь отождествляемая с *балканской*, т. е. не хорватской) может оказаться опасной не только для Хорватии, но также, а может прежде всего, для Европы. Употребление прилагательного *балканский* имеет отношение к «неконтролируемой рабочей силе» вне Хорватии (читай: с Балкан), возможность же легальной работы в Хорватии закрыла бы – по мнению автора – европейскую границу, которую символизирует Шенгенское соглашение. Это сигнал для читателя, что балканскую (а не хорватскую) миграцию Европа считает опасной, результатом чего будет закрытие границы с Балканами и свержение Хорватии в их бездну.

Этого рода дискурс укрепляет и тиражирует у читателя убеждение в опасности, исходящей от Балкан (равно как и в их чуждости, возможно, меньшей ценности, так как «неконтролируемая миграция» имеет негативное значение), в том, что живущие там люди хуже, меньше зарабатывают. Вдобавок, как бы в подтверждение, Европейский Союз думает так же.

Посредством такой переоценки представляемого пространства в современных доминирующих дискурсах закрепилась модель восприятия, по которой категория «Юго-Восточная Европа» является противоядием против Балкан, *modus faciendi* в риторической плоскости. Устремления Хорватии, однако, намного более амбициозны. «Балканы» и «Западные Балканы» – это место, где Хорватия не желает находиться (и не находится!), однако имеет с ними общую границу и насаждает там европейские ценности. Хорватия стремится к «Центральной Европе» (в культурном аспекте она к ней принадлежит, политически следует осуществить интеграцию с ЦЕАСТ, в конечном же счете – это станция на пути в ЕС), «Западная Европа» является местом, которое должно оторвать Хорватию от Балкан и обеспечить ей благополучие, а также дать цивилизационный шанс ее гражданам.

В последнее время, кроме описанных вкратце форм выражения позиции по отношению к сербам и другим «восточным»

народам, заметна некая трансформация модели автодефинирования. Функционирование балканских народов в не-националистическом дискурсе сводится к заметно ощущаемой схеме: «Все они наши соседи, и мы должны с ними сотрудничать. И это должно показать, до чего мы европейцы». Как видно, такие риторические фигуры могут утверждать читателя в том, что наши соседи – «другой» народ, хотя одновременно внушают, что сотрудничество необходимо. В такой ситуации появляются формулировки типа: «Хорватия не может себе позволить избегать сотрудничества. Она потеряла много времени». Требуемая Европейским Союзом необходимость сотрудничества с идеологическими врагами (а до недавнего времени также фактическими) признается национальным императивом. Достаточно мотивирующим аргументом является картина изоляции, которую Хорватия испытала (*потеряла время*) при Туджмане.

В крайне националистической печати (*Hrvatsko slovo* и *Fokus*) сохраняются структуры явно негативного представления «других» и безудержной глорификации «себя». С чрезвычайной последовательностью тиражируется также упоминаемый выше антиевросоюзный дискурс, превозносящий одновременно некую мифическую и не существующую уже Европу. По мнению публициста *Фокуса* Ивана Кордича, только недавние агрессивные антиевропейцы левой закваски воспринимают Европу как «образец свободы, правды, демократии, корректности, культуры». На самом же деле иначе, а «европейцы» титовско-сталинско-либеральной пропаганды (как, например, главный редактор еженедельника *Globus* Давор Буткович) «(...) скажут, что я завзятый и фашизирующий (*fašistoidni*) правый, еврофоб, клерикал и необразованный приверженец домашнего очага (*ognjištar*), который их [европейцев] ревнует к их авангардности, либерализму, демократичности и беседам за столиком в кафе с т. н. представителями международной общественности, обожаемыми ими господами. А я, честно

говоря, не рад, что Европа уже и не Европа и что мне не к чему их ревновать¹⁵.

Миф о функционировании многих или нескольких Европ проступает во всех анализируемых здесь текстах. «Разные Европы» должны символизировать отказ от сегодняшней модели либеральной и светской (несмотря ни на что) Европы, в пользу модели, основанной на национальных, христианских традициях¹⁶. Такой идеологический конфликт между опасющимися модернизации (и при этом падения признаваемой иерархии и ценности) правыми (связанными с католицизмом) и просвещенным либеральным прозелитизмом широко известен в польских публичных дебатах¹⁷.

В крайне националистических кругах и печати воцарилась эйфория, когда оказалось, что, согласно опросу, проведенному по ходу серьезной и популярной программы *Latinica*, 80% анкетированных высказались против интеграции Хорватии с Европейским Союзом. Дело в том, что сегодняшние исследования общественного мнения давали значительный перевес сторонникам ЕС (около 80%). Анализируемый здесь журнал *Фокус* причину «хороших» результатов усматривает в презрении граждан, которые до определенного момента поддались лево-либеральной пропаганде, которая управляла рынком хорватских масс-медиа.

Однако взвешенный подход к хорошим и плохим сторонам вступления в ЕС сразу же выводит нас на значительно более реальную картину поддержки граждан. К примеру, на ХРТ (Хорватском радио и телевидении), СМИ, которые 90% хорватов считает единственно достоверными, информация об

---

¹⁵ I. Kordić, *Europa nije Europa*, // „Fokus”, 14.05.2004.

¹⁶ Споры на эту тему «ожили» недавно в польских публичных прениях на тему европейской конституции. Аргументы, которыми воспользовались идеологии правого толка, целиком напоминают рассматриваемый здесь дискурс.

¹⁷ О конфликте этих двух идеологий пишет в своем фундаментальном труде *История Европы XIX в.* Бенедетто Кроче (С. 33-53, в особенности С. 43). Сравнение этих двух идеологических матриц является очередным проектом, над которым я работаю с некоторых пор.

условиях, а также достоинствах и недостатках присоединения к ЕС и НАТО занимала неимоверно мало места. Таким образом, видно, что, чем больше сведений получают граждане о реальных благах интеграции с ЕС и чем выше развито общество, тем поддержка меньше. Это вполне логично – самую большую поддержку интеграции с ЕС (около 95% граждан) мы наблюдаем в Грузии и Молдове. В отличие от этого, в странах, которые стоят уже на пороге ЕС, поддержка граждан редко достигает более чем 60%¹⁸.

В плане «содержания» мы имеем дело с воспроизведением топоса мы-они (Запад-Восток). Мы – Запад – более развиты, чем Восток. Молдова и Грузия называются здесь неслучайно, они олицетворяют отсталость и примитивизм. Следовательно, они являются антитезой Хорватии. В такой ситуации можно бы ожидать появления Сербии и Черногории (как самого главного идеологического врага). Я считаю, однако, что автор не называл эту страну, так как опросы могли бы оказаться слишком похожи на хорватские, что нивелировало бы разницу между этими двумя (разными, разумеется) цивилизациями. Любопытно также и функционирование «других стран накануне присоединения в ЕС». И вот у них – по автору – поддержка «редко достигает 60%». Тем самым он располагает их на более высокой стадии развития цивилизации. Неизвестно, почему не упоминаются Венгрия, Словакия или Литва, поддержка в которых была значительно выше магических 60%. Неужели автор считал, что они не достойны быть частью цивилизованной Европы? Любопытно также где, по мнению автора, находится Хорватия. Неужели согласно этой абсурдной теории (80% против) ее место в первом ряду цивилизованных народов? Согласно крайне националистической печати, Хорватия является страной, которая никак не подходит Евросоюзу, ибо только отсталые (неразвитые цивилизационно) страны могут к нему устремляться. Возможно, это и не удивило бы читателя, так как превозносящий хорватский

---

¹⁸ B. Čubelić // „Fokus“, 09.04.2004.

народ новояз, которым пользуется эта газета, порой превращается в гротеск. Так, например, в номере от 14 мая 2004 г. в беседе с В. Синовичем, озаглавленной «Америку открыл хорват»¹⁹, читатель узнает, в частности, что Дубровницкая республика обладала большим количеством трансокеанских кораблей, чем Франция или Англия, или что Христофор Колумб был хорватом! Кстати, Синович является автором книги, в которой доказывается хорватское происхождение этого великого первооткрывателя.

В последнее время в хорватском публичном дискурсе появляется всё более заметный очередной идеологический враг – Словения. Заострение политической ситуации между обеими странами в споре по поводу Пиранского залива привело к заметным изменениям в характере и структуре дискурса, языковых стратегий и корректуре способа выражения позиции в отношении Европы. Европейский миф не изменил, конечно, своей сущности, но Словения – страна, входящая в Евросоюз, – несколько его откорректировала. Достаточно конкретным и полностью заметным элементом отношения к Словении является возникновение опасений, связанных с интеграцией этого северного соседа, в особенности же последствия образования границы ЕС на севере Хорватии. Такие политические изменения могут – в понимании части элит – надолго оставить Хорватию на Балканах и закрыть ей двери к этим элитарным кругам. На этот момент такая опасность является фактической, а не идеологической, с которой мы имели дело в более ранние периоды, упоминаемые в этом тексте. В печати Словению часто (правда, не всегда) рисуют как нахальную страну (*sic!*), целью которой является удержание Хорватии на Балканах вкупе с Сербией и Боснией. Воспроизводимый миф о неприязни словенцев к хорватам динамизировал национальный и ненациональный дискурс, а также систематически укрепляет в последних чувство обиды. Такие объединяющие тенденции способствуют еще большему

---

¹⁹ Интерпретацию этого заглавия оставляю за читателем.

закрытию культуры, хотя – из этой перспективы – всё более заметным становится консенсус хорватских политических элит (кроме радикалов справа и слева) по вопросу о необходимости быстрой интеграции с Евросоюзом.

Mutatis mutandis, борьба за вступление в ЕС (т. е. фактическое «возвращение в Европу») приближается к концу. Иво Санадер – шеф HDZ и новый пермьер-министр Хорватии, согласно предвыборным обещаниям, успешно идет по выбранному лево-либеральной коалицией пути. Санадер, подобно Туджману, одержим верой в «европейскость» Хорватии, однако, в противовес своему предшественнику, отказался от декларативного национализма и тем самым обеспечил себе благосклонность европейских столиц. Перед выборами и непосредственно после них (еще до создания нового правительства) среди хорватских элит лево-либерального толка господствовала неуверенность, сумеет ли новый премьер побороть националистическую традицию собственной партии и отбросить идеологизированную национальную символику во имя необходимости вступления Хорватии в ЕС. Это задержало бы и без этого опаздывающую Хорватию. В конце концов, он сдержал слово и встал на путь политического прагматизма. Неизвестно еще, как отреагирует на это изменение наиболее радикальный электорат HDZ, который проголосовал за Сандера, чтобы он – благодаря европейской интеграции – приостановил болезненный для националистов процесс сотрудничества с гаагским Международным трибуналом. Всё же в июне, после окончания Процесса стабилизации и сближения (SAA – *Stabilization and Association Agreement*), Хорватия стала полноправным кандидатом в члены ЕС. Трудно предвидеть, сколько времени потребуется Хорватии для объединительного процесса, однако при хорошо действующей экономике и политической стабильности эта страна может стать членом сообщества между 2007 и 2009 гг., причем 2007 г. представляется маловероятным. Это же может означать, что несомненные кандидаты в ЕС – Болгария и Румыния – или подождут Хорватию, или новое расширение произойдет в два тура.